

В. И. ЛЫТКИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОКАЛИЗМА ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Сравнительно-историческим изучением звуков финно-угорских языков занимаются уже больше ста лет. В этой области имеются несомненные достижения: установлен ряд звуковых соответствий между финно-угорскими языками, реконструированы многие звуки языка-основы, установлены основные закономерности развития как отдельных звуков, так и всей звуковой системы того или иного языка и т. д. Однако в сравнительно-исторической фонетике финно-угорских языков имеется еще очень много недоработанного, проблематичного, разноречивого; это касается не только деталей, но и самых существенных вопросов. Между тем такое положение дел сильно тормозит ведение этимологических исследований в области лексики и морфологии — исследований, опирающихся в основном на данные сравнительно-исторической фонетики, не говоря уже о том, что недостаточная разработанность фонетики финно-угорских языков не дает возможности правильно осветить вопросы истории звуков отдельных языков.

Особенно сильное отставание мы видим в изучении исторического вокализма финно-угорских языков. Ученые, занимающиеся этой проблемой, до сих пор не могли прийти к единому мнению по самым кардинальным вопросам. Так, например, не установлена единая система гласных языка-основы: в этом вопросе исследователи придерживаются совершенно различных точек зрения. Приведу иллюстрацию точек зрения двух видных ученых, занимающихся вопросами финно-угорского вокализма — проф. В. Штейница (Германская Демократическая Республика) и проф. Э. Итконена (Финляндия).

Гласные финно-угорского языка-основы

По Итконену				По Штейницу			
<i>a</i>		<i>ä</i>		Полного	<i>э</i>	<i>а</i>	<i>ä</i>
<i>о</i>	<i>õ</i>	<i>e</i>	<i>ē</i>	образо-	<i>о</i>		<i>e</i>
<i>и</i>	<i>ä</i>	<i>yi</i>	<i>ī</i>	вания	<i>и</i>	<i>i</i>	<i>i</i>
				Редуциро-			
				ванные	<i>õ</i>	<i>ö</i>	<i>ё</i>

Оба ученые реконструируют для языка-основы 11 гласных звуков (такое совпадение в количестве — явление чисто случайное); из этих 11 звуков общими являются только 6 (*a*, *о*, *и*, *ä*, *e*, *i*); остальные 5 не совпадают: Итконен воспроизводит *yi* и долгие гласные (*õ*, *ē*, *ī*, *ä*), а Штейниц не признает долгих гласных и восстанавливает для языка-основы *э*, *i*, а также редуцированные гласные (*õ*, *ö*, *ё*).

Сама трактовка звуковых процессов, протекавших от периода языка-основы до современного состояния, у этих ученых совершенно различна. Если при объяснении появления в отдельных финно-угорских языках звуков разного качества Штейниц в ряде случаев предполагает существование в языке-основе чередования гласных в широких масштабах, то Итконен отрицает такое чередование — он все звуки современных языков производит от праязыковых звуков определенного качества (не чередовавшихся между собой), претерпевших те или иные изменения в процессе исторического развития языков.

В результате такого разногласия в реконструкции звуков финно-угорского языка-основы и в понимании самих звуковых изменений исторического характера получилось то, что одни ученые гласный звук того или иного языка возводят к одному гласному, другие — к другому. Приведу примеры. Гласный звук первого слога слова, обозначающего 'снег' (коми *līm*,¹ удм. *līmī*, мар. *lūt*, морд. *lov*, ф. *lumi* и т. д.), Итконен возводит к финно-угорскому **и*, Штейниц — к редуцированному **õ*; гласный звук в слове со значением 'глотать' (коми и удм. *n'īl*-, мар. *nel*-, ф. *piele*-, и т. д.) Итконен возводит к долготу **ē*, Штейниц — к краткому **e*; гласный звук первого слога слова со значением 'верх' (коми и удм. *viil*-,

¹ Здесь и далее транскрибированный текст выделяется курсивом, орфографическая передача текста проводится, как правило, прямым шрифтом.

мар. *βal*, ф. *ylī*, и т. д.) Итконен возводит к переднерядному **ü*, Штейниц — к редуцированному **ë*, и т. д.²

Почему же эти два крупные ученые в вопросе истории звуков финно-угорских языков пришли к совершенно различным результатам? На этот вопрос можно дать вполне членораздельный ответ. Штейниц устанавливает вокализм финно-угорского языка-основы, ориентируясь на систему гласных марийского и хантыйского языков, в которых имеется ряд общих черт: наличие редуцированных гласных, обилие гласных фонем (в хантыйском 16 фонем); для хантыйского языка характерно также парадигматическое чередование гласных. По мнению Штейница, система гласных звуков хантыйского языка (в особенности его восточных диалектов) является наиболее архаичной по сравнению с другими финно-угорскими языками.

Итконен, наоборот, при реконструкции системы гласных финно-угорского языка-основы ориентируется на прибалтийско-финские языки, звуковая структура которых, по его мнению, сохранила весьма древние черты.³ Прибалтийско-финские языки характеризуются наличием долгих и кратких гласных, отсутствием редуцированных гласных и парадигматического чередования гласных.

По мнению Итконена, общие черты вокализма хантыйского и марийского языков (в частности, редуцированные гласные) — продукт позднейшего самостоятельного развития этих языков, поэтому их нельзя возводить к финно-угорскому языку-основе. Штейниц в свою очередь считает, что долгие гласные в тех финно-угорских языках, где они наличествуют, не унаследованы от языка-основы, а появились позже под влиянием разных факторов (появление долгих гласных прибалтийско-финских языков он, например, объясняет влиянием балтийских языков — языков предков латышей и литовцев).

Из сказанного видно, что проблема вокализма финно-угорских языков в настоящее время не получила еще удовлетворительного разрешения. Основной причиной неразрабо-

² См. W. Steinitz. *Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus*. Stockholm, 1944, стр. 11, 25, 51, 30; E. Itkonen. *Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen*. FUF, Bd. XXXI, Hft. 3, 1954, стр. 300, 301, 332.

³ Действительно, прибалтийско-финские языки в старых германских заимствованиях сохраняли звуковое состояние языка-оригинала почти без изменения в течение двух тысяч лет. В древних индо-иранских заимствованиях тоже хорошо сохранились гласные звуки языка-оригинала, ср. ф. *marras* 'мертвый; мужчина' < индо-ир., ср. др.-инд. *māryas* 'молодой человек' (Etym. SK.), ф. *sata* 'сто' < индо-ир., ср. др.-инд. *śatá-m*, ав. *satəm* (Syrj. Chr.).

танности истории гласных является недостаточная изученность источников исторической фонетики (в особенности по восточно-финским языкам): диалектов, древних памятников письменности, словарных заимствований и т. д. Сильно задерживало разработку проблем вокализма (а иногда и запутывало соотношение гласных звуков отдельных финно-угорских языков) рассматривание в одной плоскости фонем и их оттенков, что очень часто наблюдалось даже у таких крупных ученых старшего поколения, как А. Каннисто, К. Ф. Карьялайнен, Ю. Вихман и другие, не придерживавшихся фонологической точки зрения⁴ (например, Вихман одним и тем же знаком *ш* обозначает вариант гласной фонемы *и* глазовского диалекта и самостоятельную фонему уржумо-малмыжского диалекта удмуртского языка; Карьялайнен в хантыйских и Каннисто в мансийских диалектах фиксируют ряд комбинаторных вариантов фонем и рассматривают их в одной плоскости с фонемами).

В деле дальнейшей разработки исторической фонетики финно-угорских языков в настоящее время самым актуальным является детальное изучение звуковой системы (системы фонем) диалектов восточно-финских языков. Диалектные данные предоставляют новые возможности установления звуковых соответствий как между близкородственными, так и между дальнеродственными языками. В качестве иллюстрации этого положения мы приведем нижеследующий материал, касающийся истории коми звука *о*.

Мы будем оперировать, в основном, данными следующих трех диалектов пермских языков: коми-зырянским верхне-сысольским, коми-язьвинскими и удмуртским юго-западным.⁵ По своему вокализму эти три диалекта зна-

⁴ Под фонологической точкой зрения мы имеем в виду, конечно, не воззрения тех структуралистов, у которых фонема не имеет своего звукового качества, а фонологическую школу акад. Л. В. Щербы, продолжателя учения А. И. Бодуэна де Куртене.

⁵ Верхнесысольский диалект нами изучен на месте в 1928 и 1956 гг., коми-язьвинский — в 1949—1953 гг.; один из юго-западных удмуртских диалектов нами исследован (совместно с Т. И. Тепляшиной) в 1957 г. — это диалект по р. Шошме, впадающей справа в р. Вятку около г. Малмыжа (изучался главным образом говор д. Порез Ральниковского сельсовета Шурминского района Кировской области, в 50 км к югу от с. Шурмы); данные по шошминскому диалекту фигурируют также у Вихмана под сокращенным названием МУ (говоры дд. Большой Карлыган и Старый Сизнер). Кроме того, по юго-западному диалекту нами использованы материалы по говору д. Урсыгурт Бавлинского района, находящегося на самом юге Татарской АССР, любезно предоставленные нам уроженцем этой деревни канд. филол. наук И. В. Таракановым, а также данные по казанскому (собственно мамадышскому) диалекту Б. Мункачи, пред-

чительно отличаются от прочих диалектов коми и удмуртского языков: в них сохранилось старое различие между звуками *o*, существовавшее в общепермском языке-основе, тогда как в других диалектах пермских языков это различие исчезло — в коми диалектах разные общепермские *o* совпали в одном звуке *o*, а в удмуртских — в звуке *и*.

В основном мы будем оперировать теми словами, которые наличествуют в одном (или обоих) из названных диалектов коми языка, в юго-западном удмуртском диалекте и в тех финно-угорских языках, где качество финно-угорских гласных сохранилось лучше (финский с учетом других прибалтийско-финских и саамского языка, марийский, мордовский и венгерский).

Прежде чем приступить к рассмотрению фактического языкового материала, необходимо сделать предварительные замечания об упомянутых диалектах пермских языков.

1) Верхнесысольский диалект коми языка характеризуется тем, что в нем имеется два *o*: открытое (*o*) и закрытое (*o*), при этом оба эти звука при изолированном произношении значительно отличаются от *o* других коми диалектов и русского литературного языка, поэтому нельзя называть верхнесысольское открытое *o* „обыкновенным“, „общекоми“ *o*, как это мы часто видим в специальных работах.⁶

2) Исследователи давно уже заметили, что звуку *o* коми языка в удмуртском очень часто соответствует *и*; они предполагают, что первичным является *o*. Д. В. Бубрих полагает, что старое *o*, сохранившееся в коми языке, в удмуртском перешло в *и* сравнительно недавно: „За поздний характер перехода *o* > *у* говорит то обстоятельство, что им захвачены некоторые заимствования из русского языка — заимствования вроде *кусо* ‘коса (орудие)’.⁷ Впрочем, Ю. Вихман считает возможным объяснить появление *и* в словах *kuso* ‘коса’,

ставленные в его книге „Вотяцкий словарь“ (Munkácsi B. A vótják nyelv szótára. Budapest, 1896). Черты юго-западного диалекта появляются (хотя и непоследовательно) также в елабужском, малмыжском и уфимском диалектах, фигурирующих в трудах Вихмана и Мункачи.

⁶ Нами в ранней работе „Диалект Кобры“ (В. И. Лыткин. Диалект кобры. Сб. Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, вып. 1, Сыктывкар, 1930, стр. 32) при определении этого звука была допущена неправильная формулировка: „обыкновенное открытое *o*, существующее во всех других диалектах“. По-видимому, отсюда пошло выражение „общекоми *o*“ (gemeinsyrjänisches *o*); см.: Zur Gesch. 268; FUF, XXXII, 127, и др. Впоследствии, в 1956 г., при тщательной проверке артикуляции этих двух *o* выяснилось, что оба эти звука в одинаковой степени далеки от общекоми *o*.

⁷ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск, 1948, стр. 46.

ukno 'окно', *kul'čo* 'кольцо' заимствованием этих слов удмуртами не непосредственно из русского языка, а через посредство татарского языка. Как бы то ни было, у ученых нет сомнения в том, что удмуртский гласный *и* произошел из гласного *о*, сохранившегося в коми языке и в отдельных словах самого удмуртского языка (*mort*, наряду с *murt* 'человек'; *dor* 'ребро', и т. д.).⁸

3) В ряде слов юго-западного диалекта мы видим *ш* вместо *и* других удмуртских диалектов, причем это *ш* часто появляется в определенных фонетических условиях, например:

а) В конце односложной основы всегда стоит *ш*, а не *и*, например: *риш* 'дерево', *куш* 'кожа', *гуш* 'яма', *ниш* 'неси', *шш* 'скажи' (в других удмуртских диалектах и в коми языке: *ри*, *ку*, *гу*, *ни*, *шу*); то же самое мы видим в словах, где этот удмуртский гласный соответствует коми *о*: *с'ш* юз., *с'и* ост. удм. диал., коми *с'о* 'сто'; *виш*- юз., *ви*- ост. удм. диал., коми *во*- 'приходить, поспевать'.

По предположению Ю. Вихмана и И. В. Тараканова, переход *и* в *ш* произошел под влиянием гласного переднего ряда следующего слога, поэтому мы имеем по юго-западным диалектам (иногда в говоре одного населенного пункта) колебание в употреблении *ш*—*и* в этом положении, вроде урс. *виш'ко* 'поспеваю', *више* 'поспевает', *виш* 'поспевай', *више* 'поспевайте', но: *вио* 'поспевают', *виод* 'поспеешь'. Однако, когда гласный звук суффикса следует не непосредственно за гласным корня, чередования мы не наблюдаем: *лул* 'душа, жизнь', *лulo* 'живой'; *куш* 'поясница', *кусо* 'с поясницей'; *куш* 'пара', *кузо* 'с парой', *кузлен* 'пары', и т. д. (примеры урсыгуртские).⁹

б) В первом слоге перед мягкими согласными мы видим обычно *ш*, а не *и*; это *ш* во многих словах, безусловно, вторичного происхождения: палатализация *и* произошла под влиянием следующего мягкого согласного, например: *шjanі* 'шошм.', *иjanі* ост. удм. диал., *иjal*- кп. кз. 'плавать'; *шс'*-

⁸ См.: Д. В. Бубрих, ук. соч., стр. 46; Y. Wichmann. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe..., стр. 7; W. Steinitz. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. Stockholm, 1944, стр. 126; E. Itkonen. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen, стр. 271.

⁹ См.: И. В. Тараканов. Фонетика бавлянского диалекта удмуртского языка. Тарту, 1959, стр. 95, а также: Y. Wichmann. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe..., стр. 12. — Впрочем, Вихман приводит единичные случаи такого рода чередований: *tug* 'хмель' ~ *tugis* (исх. пад.), *kudі* 'короб' ~ *kudіje* (вступ. пад.) MU и т. д. (см. ук. соч., стр. 13—14).

шошм., *us'*- ост. удм. диал., *us'*- кз. кп. 'падать'; *ut'ug* шошм. < русск. *утюг*, и т. д. (с аналогичным явлением мы встречаемся также в коми-язьвинских диалектах). Однако, в этом положении мы встречаем исключения вроде: *bujaŋi* шошм. 'красить', *kuz'it* 'соленый', *ul'anŋi* 'гнать', и др.; в употреблении *ш* — *и* колебание наблюдается также между диалектами (*tuw'it* шошм., *tuw'it* урс. 'косточка плода', *kuz'it* шошм., *kuz'it* урс. 'подарок') и в пределах отдельных диалектов (*kuw* — *ku* шошм. 'лопатка', *kuw'to* — *kult'o* урс. 'сноп', *kujaŋi* — *kujaŋi* 'выбрасывать', и т. д.).

Отнюдь нельзя согласиться с Ю. Вихманом в том, что всякое *ш* юго-западных диалектов удмуртского языка происходит от *и* (он уделяет чересчур большое место влиянию соседних палатальных согласных и гласных переднего ряда в процессе перехода *и* в *ш* в этих диалектах).¹⁰

В этих случаях (в особенности в тех, когда во всех юго-западных диалектах появляется *ш*) трудно решить, является гласный *ш* новообразованием или же он восходит к старому звуку. Поэтому мы в основном оперируем такими словами юго-западного диалекта, где наличие *ш* не связано с определенным фонетическим положением.

4) В удмуртском языке в широких пределах наблюдается междиалектное чередование *и* ~ *i* (*i*, *i*), например: *kupo* ~ *kino* (*kino*) 'гость' (< чув. *xupa*, *xüna*); *ugi* ~ *igi* 'серьги' (< чув. *ügi*); *mun'č'o* ~ *min'č'o* 'баня' (< тат. *munča*); *turiŋ* ~ *tiriŋ* 'трава, сено' (коми *turun*); *ž'uč'i* ~ *ž'ič'i* (*ž'ič'i*) 'лиса' (коми *ruč'*); *upo* ~ *ino* 'много' (коми *una*).

В этих словах звук *i* развился, безусловно, из *и* в силу редукции (потери лабиализации) в безударном положении. На то, что здесь первоначально было *и*, указывают чувашские и татарские слова, послужившие оригиналом заимствования, а также коми параллели. В некоторых случаях в одной форме слова *и* сохранилось, а в другой — перешло в *i*, например: *sult-* 'встать', *sılal-* 'стоять' (коми *sulal-*).

Процесс перехода безударного *и* в *i*, по-видимому, начался очень давно, и он связан с появлением акцентуации современного типа, при котором ударение падает на последний слог слова. На древность этого явления указывает также тот факт, что многие слова, в которых имеется основание предполагать первоначальный звук *и*, в современных удмуртских диалектах повсеместно появляются со звуком *i* (*i*, *i*), например: *tis'* 'зерно' (коми *tus'*) < чув. *tüs'*; *lid-* 'чесаться'

¹⁰ См.: Y. Wichmann. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe..., стр. 9—14.

(коми *lud-*); *m̄n-* 'идти' (коми *m̄n-*); *iz'-* (*iz'-*) 'спать' (коми *iz'-*); *vižj* 'корень' (коми *vižj*); *il'* 'сырой' (коми *ul'*).

Ю. Вихман и Д. В. Бубрих совершенно правильно возводят гласный звук первого слога этих слов к общепермскому **u*.¹¹

В удмуртском языке гласный *i* (*i*, *i*) в некоторых словах развился также из *u*, восходящего к **o* (преимущественно закрытому), например: *vid-* 'лечь' (коми *uod-* вс.); *vin* 'младший брат' (коми *vün* кя.); *vit* 'подать' (коми *vút* кя.); *zjg* 'рычаг' (коми *zgr* вс.); *silal* 'соль' (коми *sol* вс.).

Переходим к рассмотрению фактического материала, представляемого вышеуказанными тремя диалектами пермских языков.

Слова пермских языков по характеру звуковых соответствий между верхнесыольским, коми-язвинским и юго-западными диалектами мы подразделяем на следующие три группы (типа):

	Вс.	Кя.	Ост. коми диал.	Юз.	Ост. удм. диал.	Обще- пермск.
1)	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	* <i>o</i>
2)	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	* <i>o'</i>
3)	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	* <i>o</i>

В этой таблице мы не имеем возможности привести звуки финно-угорского языка-основы, поскольку каждый из этих общепермских звуков развился не из одного финно-угорского гласного, а из разных гласных языка-основы. Поэтому мы эти три группы слов разбиваем на подгруппы сообразно с тем, из какого финно-угорского гласного (предположительного) развился рассматриваемый гласный (подзаголовки представлены в виде формул, в которых под *t* подразумевается вообще согласный звук).

І тип соответствий: вс. *o* ~ кя. *o* ~ юз. *u*

А. Ф.-у. **tetä-* > общепермск. **tot-*

ol- вс. 'жить'; *ol-* кя. кз. кп. 'жить' (Диал. сл.); удм. улыны 'жить, прожить; пробыть, находиться; населять, водиться, обитать' (Удм. сл.); *ul-* шошм. урс.; *ul-* G U J, *uцu-* J MU (Wotj).

¹¹ См.: Д. В. Бубрих. Историческая фонетика удмуртского языка, стр. 38; Y. Wichmann. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe..., стр. 14.

Chr.); мар. *ə'ləm*, *ilə'm* и др., ф. *elää*, саам. *ællet*; < ф.-у. **elä-* (Zur Gesch., № 304, стр. 271, 278); венг. *él* < *el* (Bárczi МН, 74). Допермск. (= ф.-у.) **elä-* > **elä-* > общепермск. **ol-*.

poz вс., *poz* кя., *poz* ост. диал. 'гнездо', *poztiŕ* лл. 'яйцо'; удм. пуз 'яйцо' (Удм. сл.); *puz* урс., *kuregpiz* шошм.; *guduripuz* J 'дождевик (гриб)' (Munk.); мар. *pažäš*, *piz'aš* и др. 'гнездо', ф. *pesä*, саам. *bässe*, морд. *p'iza*, *p'ize*; < допермск. **e* (Zur Gesch. № 327, стр. 271); венг. *fészek*, *é* < **ë* (Bárczi МН, 36). Ф.-у. *tetä-* > **teta-* > общепермск. **tot-*.

požem кя., *požem* вв. иж., *požem* ост. кз. диал., *požum* и *požim* кп. 'сосна'; удм. пужым 'сосна' (Удм. сл.), *pužim* урс., *pužum* шошм.; *pužim* MU (Wotj. Chr.), *pužem* K (Munk.); мар. *pändžə*, *pü'nDžə* и др., ф. *petaja*, саам. *bässe*, морд. *p'itše*, *pitšë*; гласный первого слога восходит к допермск. **e* (Zur Gesch. № 328, стр. 271). Ф.-у. **tetä-* > **teta-* > общепермск. **tot-*.

č'ož кя. 'дядя (брат матери)', *č'ož* вс. 'дед (отец матери)'; *č'ož* скр. нв. нв. сс. л., *čož* уд. лет. 'дядя' (Диал. сл.); удм. чужмурт 'дядя по матери' (Удм. сл.); *čuž* урс. шошм.; *čtuž* U MU J M S, *čuž* SM, *čuž* KM 'родственник со стороны матери' ~ ф. *setä*, саам. *čässe*, морд. *tšitše*, мар. *tšətsə*; манс. *šä's*, саам. *citca* (Kons. 421). Ф.-у. **čečä-* > **čežä-* > общепермск. **čož-* (Zur Gesch. 273; Affr. 212); > коми (кроме уд. лет.) *č'ož* вследствие диссимиляции по отношению к шипящему следующего слога (*ž*) (Kons. 422).

ord- вс., *ord-* кя. дп. 'у, при (последлог)', *ordli* вс., *ordlə* кя. 'ребро', *ord-* (последлог) кз. кп.; *ordli* кз., *ordvi* и., *ordli* кч. 'ребро' (Диал. сл.); удм. урдэс 'бок', урдлы 'ребро' (Удм. сл.); *urdes* урс., *urges* шошм., *urdlj* урс.; *urd* J M G SM KM, *urd-li* MU, *urt-li* U 'ребро'; *urdes* U MU J M S G B, *urdas* KM 'бок' ~ мар. *ördəž*; морд. *ir'des*; норв.-саам. *ærtte* (Kons. 348); первоначальная морд. форма **ertä*, саам. **erttä* (Zur Gesch. № 348). Ф.-у. **ertä-* > **ertä-* > общепермск. **ord-* (Zur Gesch. 371).

kqr- вс., *kor-* кя. кз. кп. 'просить' (Диал. сл.); удм. кур (Удм. сл.); *kur-* урс. шошм.; *kur-* M J (Wotj. Chr.), ф. *kerjätä*; коми о ~ удм. и из допермск. **e* (открытое *o* выработалось под влиянием широкого гласного второго слога (*ä*) (Zur Gesch. № 308, стр. 271); венг. *kér-* (NyH, изд. 7, стр. 151).

mqrt вс., *mort* кя. дп. кз. кп. 'человек' (Диал. сл.), удм. мурт 'человек', 'посторонний, чужой (человек)', 'муж, жених' (Удм. сл.); *murt* шошм. урс.; *murt* G M J MU U (Wotj. Chr.); в самоназвании удмуртов *murt-mort*: *ud-mort* G, *ud-murt* J, *uk-mort* MU (Wotj. Chr.). Считают заимствованием из иранского,

ср. новоперс. *mard* (*märd*) 'мужчина', среднеперс. *mart*, авест. *marata-*, древнеинд. *marta-* 'человек'. Также из иранского заимствовано морд. *m'ir'd'e*, *märd'ë* 'мужчина, муж', ф. *mar-gas* (род. пад. *martaan*) 'мертвый, умерший' (ср. русск. *смерт-ный* в значении 'человек', — В. Л.) могло быть заимствовано из этой же группы арийских слов (см. Syrj. Chr.). Э. Итконен пишет, что издавна предполагается непосредственная связь пермского слова с мордовским, и возводит слова этих языков к общей форме **mertä* (Zur Gesch. № 349, стр. 271).

n'ol' вс., *n'ül'* кя. 'четыре'; *n'ol'* кз., кп.; удм. ныйль 'четыре' (Удм. сл.); *n'uul'* урс. шошм.; *n'uul'* U MU G, *n'il'* MU J M, *n'il'* U J M, *n'il'* SM, *n'ül'* KM (Kons. 432); гласный звук первого слога, по-видимому, восходит к общепермскому закрытому **o*, который (как предполагает Э. Итконен) появился на месте открытого **o* под влиянием раннепрапермского слова **kqlm* 'три', предшествовавшего при счете числительному **n'ol'*; открытое *o* выработалось из **e* под влиянием широкого гласного второго слога: **nel'ä* > **n'el'ä* (эта фаза развития гласного первого слога сохранилась в слове *n'el'a-mjn* 'сорок') > **n'ol'* (под влиянием **kqlm*) > **n'ol'* > *n'ol'* вс., *n'ül'* кя., *n'ol'* кз., кп., *n'uul'* юз., *n'il'* и *n'il'* ост. удм. диал. (Zur Gesch. 278); ф. *neljä*, венг. *négy*, венг. *é* < **ë* (Bárczi МН, 64).

poš вс., *poš* кя. кз. кп. 'жердь' (Диал. сл.); удм. пуч 'жердь' (Удм. сл.); *piš* и *piš* шошм.; *piš* малм. каз. (Munk.); мар. *pi* (*tšä*), *pè* (*tš'ä*), ф. *piha*. Итконен предполагает, что первоначально здесь был гласный **i*, который под влиянием *ë* перешел в **e* (расширился), из последнего выработался в общепермском языке открытый гласный **o* (Zur Gesch. № 375, стр. 272). Можно предположить следующий процесс развития: ф.-у. **piča* > **peča* > общепермск. **poš*.

Сюда же, по-видимому, можно отнести также следующие слова, для восстановления первоначального (допермского) звукового вида которых в нашем распоряжении нет достаточных данных: *košji-*, *košš'i-* кя. 'искать'; *košš-* кп.; *kušk-* юз. Утила сравнивает с мар. *kətsä'läm* 'искать' (Syrj. Chr.); ? допермск. **kečä-*.

obə, *obəl* кя. 'нет, не' (*ob-əl*); *abu*, *abi* кз., *abu* кп.; *ovəl*, *ebñи*, *öbñи* юз.; первую часть слова (*eb-*, *ab-*, *ob-*, и т. д.) Тойвонен (Etym. Sk.) сопоставляет с ф. *epä-* (отрицательная приставка, соответствующая русск. *не-*, *без-*), кар. *ebä-*, водск. *epä-*, эст. *eba-*. Форму с гласным *o* для пермских языков нужно считать более первичной, другие огласовки этого слова возникли под взаимным влиянием гласных звуков ком-

понентов этого сложного слова. Удмуртское *o* не перешло в *u*, как и в некоторых других случаях (ср. диалектное *ud-mort* — самоназвание удмуртов, *dor-* 'у, около' (послелог)). Коми *ob-* < **ob-* < **epä-*.

rok вс. 'каша'; *žuk, žuk* юз.; Тойвонен (FUF, XXX, 343) отделяет это слово от ф. *rokka* и возводит к ф.-у. **rekka*.

mog вс., *mog* кя. кз. кп. 'надобность'; удм. юз. *mug* Вихман сравнивает с венг. *mű* 'работа', которое возводит к правенг. **mšje-* < **mšjka-* (FUF, XIV, 97—98, а также Bárczi MSzSz). Может быть, финно-угорская форма была **menkä-*?

žol pu вс., *žou pu* нв., *žo pu* скр. л. кч. 'калина'; удм. *šu* (< *šu*), *šu* юз. Тойвонен сопоставляет с ф. *heisiruu, hōisi-, helis-, helsi-* и др., приводит также под вопросом морд. э. *čavd'il'* и др., морд. м. *čevúg'ä*, мар. KB *šaršä* и др. (Etym. Sk.). Может быть, можно предположить допермскую форму **šelä-* или **čelä-*?

dor вс., *dor* кя. кз. кп. 'лезвие, ребро, сторона, край'; удм. дур 'край (предмета), борт, кромка' (Удм. сл.); *dur* и *dor* юз.; сравнивают с мар. *tär, tñr, tür* 'берег, край' (FUF, XVI, 188); мар. *tür* 'край (озера, болота), окраина (леса), кромка (материи)' (Мар. сл.). Основное и первоначальное значение пермского и марийского слова не 'берег и сторона' (как трактуется во многих научных трудах), а 'край, ребро (какого-нибудь предмета — реки, материи, ножа, стола и т. п.)', поэтому нельзя отделять от рассматриваемого слова мар. *tär, tür* в значении 'лезвие (Schneide)', как это делает Вихман.¹² Итконен сопоставляет мар. W *tär*, O *tür* 'Scheide' с ф. *terä*, саам. *dærre* (Zur Gesch. № 338) и возводит гласный первого слога к ф.-у. **e* (Zur Gesch. 242). Он не приводит параллелей из пермских языков, по-видимому, принимая марийское слово со вторичным значением ('берег') за другое слово. Между тем трудно отделить рассматриваемые марийские слова (ф. *terä*) от пермских слов; в этом сопоставлении мы не встречаем затруднений ни фонетического, ни семантического характера; слово мы должны возвести к ф.-у. **terä-* > общепермск. **tör-* > **dör-*.

Б. Ф.-у. **tätš-*, или **tätä-*, > общепермск. **töt-*

lor вс., *lor* кя.; *lor* скр. нв. уд. кп. 'селезенка' (Диал. сл.); удм. луп 'селезенка' (Удм. сл.); *lup* шошм.; *lub* UM, *lup* U MU J M G SM KM 'селезенка', мар. *lēp, lep*; венг. *lérp* (Kons. 84, 411). Итконен предполагает, что в домарийском

¹² Y. Wichmann. Tscheremissische Texte. Helsinki, 1953.

(следовательно, и в допермском) языке было *ä или *e (качество гласного первого слога установить трудно, т. к. нет соответствий ни в прибалтийско-финских языках, ни в мордовском) (Zur Gesch. 213).

loru вс., lomru РО 'ольха'; loru скр. сс., louри нв. уд., lolpu кч. (Диал. сл.); удм. лулпу 'ольха' (Удм. сл.); lulpu урс., luwpi и lupu шошм.; lul-pu U M G S M J M, luw-pu MU J 'ольха' ~ мар. lölpö, lülpö 'ольха' (Kons. 333). В удм. lulpu ш из и под влиянием ш второго слога, в lupu ш < и по закону конца односложных слов. По мнению Итконена, гласный первого слога восходит к допермскому *e или *ä (Zur Gesch. 272).

og, on, oz и т. д. вс., og, on, oz и т. д. кя. кз. кп. 'я не', 'ты не', 'он не' и т. д. (отрицательный глагол наст.-буд. вр. 1-го, 2-го и 3-го лл.); удм. ug, ud, ug, и т. д. (наст. вр.), ug, ud, uz и т. д. (буд. вр.) урс. шошм.; то же самое в G M J MU (Wortj. Chr.); корнем отрицательного глагола является коми о- ~ удм. и- (согласные -g, -n, z-, -d представляют собой остаток суффиксов, выражавших лицо или время), которому соответствует ф. e- (en, et, ei и т. д.), лив. ä (äB, äD, äĭ), морд. e- (ežiñ, ez'it', es') (Etym. Sk.). Такое сопоставление считает более подходящим также Итконен, который возводит коми о — удм. и к общепермскому открытому *o, образовавшемуся из допермского *e или *ä (Zur Gesch. 272).

В. Ф.-у. *tätä- (*täte-) > общепермск. *tot-

lokt- вс., lakt- лл., lokt- кя. ост. коми диал. 'приходить', удм. liktini U G B, liktini MU J M, likt- Munk., lekt- KM, AmS (VAM, 15) lyk (Kons. 285); мар. läktäm W, lektäm J, lektam O 'выходить' ~ ф. lähteä, кольско-саам. *liek' tät < ?ф.; < допермск. *ä (Zur Gesch. № 252, стр. 271). Удм. liktini < *luktini (под ассимилятивным влиянием i непервого слога).

pon вс., pon кя. скр. лл. сс. кп. pom сев. вв. печ. 'конец'; удм. pum 'конец' (Удм. сл.); pum урс. шошм.; puñ U MU J M, puñ KM MM, pum SM J M GM (Kons. 241); ф. pää (< *pāñä), ? саам. bagne, морд. м. p'e, э. p'a; гласный первого слога восходит к *ä (Zur Gesch. № 263, стр. 271); венг. fő (fej = fāj); ф.-у. *pāñä- > общепермск. *pon.

Сюда же следует отнести слова: ponda и ponna кя., ponda вс., ponda дп. 'из-за', pondini вс., pondinø кя. 'начать, стать'. Вероятно, к этому же гнезду относится кя. pon 'предмет, вещество', juán-pon 'питье', s'ujan-pon 'еда'.

okti- кя. 'подрубить, валить (стоячее дерево)'; okti- лл. 'подрубить, валить'; саам. ak'tet (= кольский äxteD) 'уби-

вать, резать скот'; < допермск. *ä (Zur Gesch. № 281, стр. 272).

Может быть, сюда можно отнести также следующие слова: *sgt-* вс., *sot-* кя. 'жесть'; удм. *sut-* юз.; ф. *syttyä* 'зажигаться, загораться, вспыхнуть' (Syrj. Chr.); ф. *syttyä* < ? **säTTYä* — первое у появилось под влиянием второго у?

Г. Ф.-у. **t̥sr(ž)a-* > общепермск. **t̥or(ž)-* > *t̥or(ž)-*

vož вс., *vož* кя. кз. кп. 'ветвь, ветка, ответвление, развалина', 'приток, бассейн'; мар. *baž*, *bož*; морд. *užo*, *užā* < **voša* (Zur Gesch. № 141).

nort вс., *nort* кя. сев. 'напты' (Диал. сл.); *nort* печ. лет., *nork* л. (Вх.-Уот.); Утила приводит удм. *nurt* 'сани' (Kons. 345) (глазовский диалект), ссылаясь на Видемана (Zusätze und Berichtigungen zu dem syrj.-deutsch. Wörterbuch) ~ морд. *nurdo* 'сани' (Kons. 345) < **norta* (Zur Gesch. 272).

pors' вс., *pors'* кя. кз. кп. 'свинья' (Диал. сл.); удм. *pars'* (< **pors'*, а < о под влиянием следующего *r* — см. Zur Gesch. 272; этот переход произошел еще до **o* > удм. *u*). Итконен гласный первого слога возводит к допермск. **o*. По его мнению, в этом слове, как и в *vož*, *nort* (может быть, также и в *ž'ožgini*, *gož*, *soral-*, *s'orn'i*, *šor* и др. — см. ниже, — В. Л.), открытое *o* образовалось от первоначального закрытого *o* под влиянием следующего согласного *r* или *ž* (см.: Zur Gesch. 272—273).

gožem вс., *gožem* кя., *gožom* лет., *gožem* вв. иж., *gožem* ост. диал., *gožum* и *gožim* кп. 'лето' (Диал. сл.); удм. гужем 'лето' (Удм. сл.); *gužem* урс. шошм. МУ каз.; Утила сопоставляет с хант. *xóťšəm* 'теплый' и под вопросом с морд. *kožout* 'каменка бани' (Syrj. Chr.).

soral- вс., *soral-* кя. 'мешать, перемешивать, смешивать'; *sor-* ост. диал.; удм. *sura-* урс. шошм. 'путать, спутать, смешать' ? ф. *soria* (Wotj. Chr.).

s'grn'i вс. 'разговор'; *s'orn'i* кя. кз. кп. (Диал. сл.); ф. *saarna* 'проповедь'; допермск. **a* (Zur Gesch. № 38, стр. 272).

šor вс. 'ручей', *šor* кя. кз. кп.; *šur* юз. 'река'; венг. *ár*, хант. *tôr*, манс. *tôr* (НуН, изд. 7, стр. 27).

Может быть, также в следующих словах в общепермском языке первоначально было закрытое *o*, и лишь впоследствии под влиянием *r* и *l* оно перешло в открытое *o*:

dor- вс., *dor-* кя. 'ковать'; удм. *dur-* и *duur-* шошм. урс.; *dur-* каз., *duur-* МУ. В юго-западных диалектах удмуртского языка имеем рефлексy обоих *o*: закрытого *o'* (*duur-*) и открытого *o* (*dur-*).

kole вс., *kolə* кя. 'надо'; удм. *kule* юз.; мар. *kel-*, *kül-*, морд. *k'el'g'ems*; венг. *kell* (< **këll*, см. Bárezi МН, 36); допермск. **kele-* > **kə'l-* > **kol-* (под влиянием *l*). Впрочем, в раннепермскую эпоху узкий гласный второго слога мог замениться широким и из *e* первого слога получился *o* (см. выше, тип I, А).

colas кя. 'промежуток'; удм. *kwaldinī* 'расколоться, отколоться'; ф. *kolo* (Syrj. Chr.); допермск. **kolə-* > **kəol-* > (под влиянием *u* и *l*) **kol-* (см. ниже).

ž'ožg- вс. скр. кп. 'шипеть (например, о масле на сковороде)'; Вихман (FUF, VI, 35) сопоставляет с мар. КВ *tsəžyem* 'гудеть, жужжать (о насекомых)', М *t'sižyem* 'шипеть (о воде перед кипением)', чождгаш, цожгаш горно-мар. 2 спр. 'шипеть, зашипеть (о сырых дровах)' (Мар. сл.); основа **č'ožga-*. Пермская форма могла развиться из ф.-у. **č'oška-* > *č'ožka-* (под влиянием *ž*) > общепермск. **ž'ožg-*.

Д. Иранск. и чув. **o* (**a*) > общепермск. **o*

koba кя. ни. 'прялка'; удм. *kubo* юз.; чув. **koBa*; ср. предполагаемое сев.-чув. **koBa* и юж.-чув. **kuBa* (Tschuw. 75); в современном чувашском языке этого слова нет, Вихман воспроизводит такой звуковой вид слова на основании других тюркских языков (тат. и башк. *kaba*).

torta кя. кп. 'шест, напоминающий оглоблю, с плоской дужкой на конце (приспособление для сучивания зерна на току)', удм. *turto* юз. 'оглобля' < чув. **torta*; ср. сев.-чув. *torDa*, юж.-чув. *turDa* (Tschuw. 111). Северные чувашские говоры — окающие, а южные — укающие. Предки коми и удмуртов жили к северу от чуваш, поэтому заимствования должны были проникать из северного диалекта древнечувашского языка. Другие тюркские языки указывают на открытый характер гласного звука первого слога (тат. и башк. *tärtä*); то же самое мы видим в предыдущем слове (*koba*).

bon вс. кз. кп. 'мочало', *bon* кя. 'тряпка (для мытья)'; удм. *bun* юз. 'мочало'; считают заимствованием из иранск., ср. авест. *banda*, др.-инд. *bandhá* (Kons. 3).

s'orkn'i вс. кя., *s'ortn'i* и *s'orkn'i* кп. кз. 'репа'; удм. *s'arč'i* повсеместно; < чув., ср. чув. *s'arik*; удм. -č'- и коми -n'- — суффиксы (Kons. 358).

zon вс. кз. 'парень', *zon* кя. кп. 'сын'; заимствовано из иранск., ср. осет. *zänäg* 'дети', авест. *zan-* 'рождать' (Syrj. Chr.).

poda кп., *pōda* вс. 'скот'; удм. *pudo* юз. < иранск., ср.-вост.-ир. (барт., руш., орош.) *pōda*, тадж. *poda* 'стадо'.¹³ Слово следует отнести к 3-му типу.

Е. Ф.-у. **tstst*- > общепермск. **tqt*- (коми *o* ~ удм. *a*)

Имеется небольшое число слов, в которых коми *o* соответствует удм. *a*. Эти слова, по-видимому, восходят к допермским словам с заднерядным вокализмом. К таким словам следует отнести следующие:

loj- вс., *loj*- кя. дп. 'месить, замесить (тесто)'; удм. *laj*- юз. мар. *luje'm*;

mojd вс., *mod'* кя. 'сказка' ('загадка' кб.); удм. *mad'*- (-*d*- словообразовательный суффикс); ф. *muistaa* (Kons. 124); *ž'or* вс., *ž'or* кя. 'седой', 'неспелый (зеленый)'; удм. *žárit*; саам. *čuoŕ'gâd* (Syrj. Chr.);

n'ož'las- кя. 'потягиваться', *n'ož'las'*- нв. л. иж.; удм. называласьк-, *n'azil'jas'k*-; саам. *njuovččat* и др. (Affr. № 356);

n'okert- кя. 'согнуть, изогнуть'; удм. *някырт*- 'согнуть, изогнуть' (Удм. сл.);

bos't- вс. 'взять'; *boš't*- кз. кп.; удм. *bas't*- (повсеместно).

Может быть, сюда же следует отнести коми *kočes* вс., *kočis* иж. нв., *kočes* скр. л. 'запах горелого' (в удмуртском языке это слово отсутствует); ф. *katku*, кар. *kačku*, *koačku* 'запах горелого', морд. *kačsam*, и т. д. (Affr. 123), если только это коми-зырянское слово не является карельским заимствованием: кар. **koač*- > коми *koč*- (-*es*, -*is* — словообразовательный суффикс; знаменательно также полное совпадение в значениях).

На основании рассмотренного материала мы можем сделать следующие выводы:

1) Открытому верхнесыольскому *o*, представленному в коми-язьвинском и других коми диалектах гласным *o*, в юго-западных диалектах удмуртского языка всегда соответствует *u*, а не *ш* (в остальных удмуртских диалектах мы имеем тоже *u*, за исключением отдельных слов, вроде *mort*: *ud-mort*; *dor*- 'у, при').

2) Рассмотренным словам пермских языков (при коми *o* ~ удм. *u*) в финском (мар., морд., венг.) языке мы имеем соответствия обычно с переднерядным вокализмом; это свидетельствует о том, что такие слова в финно-угорском языке-основе имели не велярные, а палатальные гласные.

¹³ В. И. Лыткин. О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках. Изв. ОЛЯ АН СССР, т. X, 1951, вып. 4, стр. 389.

Те немногочисленные пермские слова, которым в упомянутых финно-угорских языках соответствуют слова с заднерядным вокализмом, или имеют сомнительную этимологию, или же в них открытое *o* является вторичным, развившимся уже в общегермском языке из других звуков (см. слова типа I, Г).

3) В значительном количестве случаев (см. тип I, А) в общепермском языке открытое *o* развилось из допермского **e* в тех случаях, когда во втором слоге стоял широкий гласный *ä*, — под ассимилятивным влиянием последнего. Э. Итконен достаточно убедительно доказал это в своей работе¹⁴ (он оперирует словами: *ol-*, *kor-*, *poz*, *požem*, *č'ož*, *ord-*, ? *mort*). Слова этого рода (типа **tetä-*), вероятно, послужили базой для образования новой фонемы (*o*) общепермского языка.

4) В процессе утраты общепермским языком звука *ä*, существовавшего в финно-угорском языке-основе, новая форма *o* во многих случаях заступила место гласного *ä*, поэтому мы в ряде слов (см. подгруппы Б и В) видим замещение финно-угорского *ä* общепермским открытым *o*.

5) Не исключена возможность, что общепермское **o* первоначально было переднерядным гласным: в этот период, видимо, было заимствовано слово *zon* 'сын, парень', если считать оригиналом этого заимствования **zän-* (ср. осет. *zänäg*). Однако ко времени древнечувашских заимствований (не ранее VII в. н. э.) уже произошла веяризация этого гласного **o*, поэтому древнечувашские слова с заднерядным вокализмом уже передаются этим гласным (*s'orkn'i*, *koba*). Если бы в этот период древнепермское *o* звучало как переднерядный гласный, то в этих заимствованиях гласный звук передался бы на общепермской почве не через *o*, а через *a* (ср. чув. *s'arik*, а также иранск. *banda*).

6) Имеется небольшое количество слов, в которых коми *o* соответствует удмуртскому *a* (см. выше тип I, Е). Эти слова, наверное, восходят к словам с заднерядным вокализмом.

II тип соответствий: вс. *o* ~ кя. *ü* ~ юз *u*

А. Ф.-у. * *tete-* > общепермск. **tō't-*

kōr вс. 'шелуха (лука)', *kōr* 'луб': *kōra dōd* вс. 'сани, обитые лубом'; кор (корйис) 'кожура, шелуха' (К. сл.); удм. кур 'луб, лубок' (Удм. сл.); *kur* урс. шошм.; Итконен сопоставляет с ф. *keri*, мар. *kər* W, *kür* O, саам. *gārrā*, морд. *k'er'*, *k'är'* (Zur Gesch. 175); венг. *kéreg*, *é* < **ē* (Bárczi МН, 75).

¹⁴ E. Itkonen. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe..., стр. 271, 278.

löl вс. дп., *lül* кя., *lol* кз. кп. 'дух, душа, жизнь'; удм. лул 'душа, дыхание, жизнь, существо' (Удм. сл.); *lul* урс. шошм. U, *luu* MU; сравнивают с ф. *löyly* (< **levlэ*) 'жар в бане', саам. *liew'lâ* (Zur Gesch. № 315); венг. *lélek*, *é* < **ë* (Bárczi MH, 36).

muš: *mal'a-muš* кя. (наряду с *moš* кя.) 'пчела'; *mal'a-moš* крч., *bal'a-moš*, *moš* кп. 'шмель, пчела' (Диал. хр.); удм. муш 'пчела' (Удм. сл.); *muš* урс. шошм. каз. MU; наряду с этим: *muš* U MU J M JM KM (Kons. 325) — в этих диалектах удмуртского языка, вероятно, и появилось под влиянием соседних и-овых диалектов или же русского языка (ср. русск. *муха*, *мушка*). Слово сопоставляют с ф. *mehiläinen*, морд. *m'eš*, *m'ekš*; **mehe*- < **meše*- (Zur Gesch. № 317, стр. 277—278). Венг. *méh*, *é* < **ë* (Bárczi MH, 36).

kqs- вс., *kúsk*- кя., *kosk*- кп. кз. 'поясница, талия'; удм. кус 'поясница, талия' (Удм. сл.); *kus* урс. шошм.; каз. (Munk.), MU; сопоставляют с ф. *keski*, морд. *k'eskä*; < **keske*- (Zur Gesch. № 311, стр. 277—278).

pol- вс., *pül*- кя., *pol*- кз. кп. 'бояться'; удм. *pušmes* 'опасный' MU (JSFOu, XI, I, 13), удм. *pušmes* (**pul-m-es*) производное слово от *pul*-; *pušini* (< **pulini*) MU (FUF, XV, 36) — вероятно, ошибка; сопоставляют с ф. *pelätä*, саам. *bállât*, морд. *p'el'ems* < **pele*- (Zur Gesch. № 324, стр. 278); венг. *fél*-, *é* < **ë* (Bárczi MH, 36).

s'oj- вс. дп. 'есть, кушать', *s'oged*- вс. 'дать корм скоту'; *s'új*- и *s'úv*- кя. 'есть', *s'úd*- кя. 'дать корм скоту'; *s'oj*- (*s'ov*-), *s'od*- ост. диал.; удм. *s'i*- (*s'ij*-) 'есть' (повсеместно); удм. сюдыны 'кормить, накормить' (Удм. сл.); *s'uidini* MU U; но: *s'ud*- урс. шошм. (? < **s'ud*-); сопоставляют с ф. *syödä* (< **seü*-, **seve*-), ? морд. э. *s'ev'ems*, м. *s'evams* и др. (Zur Gesch. № 336); венг. *enni*, *év*-, венг. *e* < **ë* (Bárczi MH, 36, 75).

ron вс., *pün* кя., *ron* (*ronj*-) скр., *ron* ост. диал. 'собака'; удм. пуны (Удм. сл.); *puñi* урс., *puñi* и *pini* (< **puñi*) шошм.; *puñi* и *puñi* MU (Wotj. Chr.); *pěně* каз. (Munk.); < **puñi*; сравнивают с ф. *peni*, *penikka*, саам. *bænâ*, мар. *pi*, *pii*, *pín'e'yä* и др., морд. *p'in'e*; гласный первого слога восходит к ф.-у. **e* (Zur Gesch. № 325, стр. 277—278). Непонятно, почему Итконен во втором слоге предполагает *ä*, а не *e*. Имеется основание (ср. морд. пример) воспроизвести для языка-основы форму типа **tete*-.

Может быть, к этой группе слов можно отнести также следующее слово: *gor* вс. 'горлом кверху (фигура при игре в лодыжки)'; *goran* лет. 'дыхательное горло' (Диал. хр.), 'кадык' (Сыкт. диал. сл.); *gor: medore gorjen ovni* нв. 'жить навыворот, т. е. не так, как полагается („горлом кверху“)

(Сыкт. диал. сл.); сюда же, вероятно, нужно отнести *güreltnə* кя. 'рвякнуть, заорать' (ср. с точки зрения значения русск. *горланить* и *горло*); удм. *gurlanĭ* урс. 'петь'; сюда относят также удм. *gurul* 'подбородок' (см. Etym. Sk.), урс. *gurul* указывает на заднерядный вокализм; нельзя ли сопоставить это удм. слово с коми *gorš* (с открытым о)? Коми *goran'* сравнивают с ф. кего 'горло, глотка', эст. *kõri*, саам. *kars* (Etym. Sk.). В прибалтийско-финском слово восходит к переднерядному или заднерядному вокализму?

Б. Ф.-у. **tšte-* (**tštä-*) > общепермск. **tq't-*

oj вс., *шj* (< **uj*) кя., *voj* кз. (*oj* уд.), *oj* кп. 'ночь'; удм. *шj* U MU J B, *üj* UM KM JM, *uj* M Š G, *uj* SM MM GM (Kons. 58); *шj* шошм., *шj* и *uj* урс.; несмотря на то, что перед палатальным согласным гласный *ш* мог появиться из *и* (см. выше), мы все же юз. *ш* не считаем новообразованием. Слово сопоставляют с ф. *yö* (< **ō* < **üje-*); саам. *ig-gjâ*, морд. *ʋ'e* (Zur Gesch. № 436, стр. 279); венг. *éj*, где *é* < **ü* (Bárczi МН, 35).

toš вс. 'борода', *túš* кя.; *toš* (*tošk-*) скр., *toš* ост. диал.; удм. *tuš* юз.; мар. *täškä*, *tüškä*, ф. *tähkä* (Syrj. Chr.).

sož' вс. 'пригоршня', *súž'* кя. (< *súž'*); *soz'* л. зд., *sož'* ост. диал.; удм. *suz'* юз.; сравнивают с ливвик. *säzi*, эст. *säzi*, норв.-саам. *sæsse* (Affr. № 274); Моор прибавляет к этим словам также венг. *össze*, *össz* < *üszve* (ALU, II, 70).

В заимствованных словах мы видим *š* > **q'*:

kol'ta вс. 'сноп'; *kol'ta* кз., *kol'tá* кп.; удм. *kul'to* юз. < чув. **kältä*, чув. Ашм. *kälDä*, *käl'D'e*; совр. литер. чув. кёlte 'сноп'. В современном чувашском языке в этом слове стоит редуцированный гласный звук, соответствующий узкому гласному других тюркских языков (ср. кирг. *kültö*, каз.-тат. *költä* и т. д.).¹⁵

gob вс. 'обабок, гриб'; *gob* кз. 'съедобный губчатый гриб'; удм. *guibi*, *gibi*, *gibĭ* (< *guibi*) юз.;

< чув. **kümBa* или **kəmbä*, ср. совр. чув. лит. кѹмпа; Ашм. *kamBa*, *kĭmBa* и т. д. (см. Tschuw. 57). В других тюркских языках стоит гласный переднего ряда (Вихман в работе Tschuw. приводит каз.-тат. *gömbä*, *gümbä*). Не был ли гласный переднего ряда также в древнечувашском языке?

¹⁵ См. нашу статью в журн. „Вопросы языкознания“ (1956, № 3, стр. 141), а также Tschuw. 79—80.

В. Ф.-у. **tsnta-* > общепермск. **tät-* > **tə't-*

gorz вс., *gúz* кя., *goz* кз. кп. 'пара (веников, кольев, игральные бабок и т. п.)'; удм. куз 'пара' (Удм. сл.); *kuz* урс. шошм. каз.; слово сопоставляют с ф. *kansa* 'народ', *kanssa* 'с (предлог)', эст. *kāza* 'супруга, жена, товарищ'; палатализация гласного первого слога могла произойти в общепермском языке в процессе деназализации сочетаний *-ns-*, *-nt-*, *-mt-*, и т. д., ср. коми *zib*, ф. *sompa*; коми *töd-* РО, ф. *tunte-*, кольско-саам. *tommta-*; коми *bed'* 'палка', мар. *pandə*, и др. Впрочем, не прав ли Томсен, считавший прибалтийско-финское слово (ф. *kansa*) германским заимствованием? Действительно, слова пермских языков по значению очень далеки от прибалтийско-финских.

pož вс., *púž* кя., *pož* кз. кп. 'решето'; *puž* урс. шошм. каз. М; ф. *pohta*, *pohtia* 'веять', морд. *ponžavtoms* (Zur Gesch. № 115, стр. 279). Финское и мордовское слова указывают на заднерядный, а юго-западные диалекты удмуртского языка — на переднерядный вокализм этого слова. Повидимому, палатализация гласного произошла в общепермском языке в процессе деназализации сочетания *-nž-* (см. выше), если только считать правильным сопоставление этих слов, довольно далеких по значению ('решето' и 'веять'). Может быть, морд. *ponžavtoms* < **požnavtoms*, где *n* является словообразующим суффиксом, ср. коми *požnal-* (*pož-n-al-*) вс. 'провеивать решетом или ситом (муку, крупу, зерно и т. п.)'. Вообще существующие этимологии этих слов (*pož*, *gorz*) не являются убедительными.

На основании вышеприведенных примеров мы можем сделать следующие выводы:

1) Слова, в которых верхнесыольскому *o* и коми-язьвинскому *ü* соответствует юго-западное удмуртское *ш*, восходят к финно-угорским словам с переднерядным вокализмом; об этом свидетельствуют соответствия, приведенные из тех языков, в которых сохранилось качество гласных (в отношении принадлежности их к заднерядным и переднерядным) финно-угорского языка-основы: финского, марийского, мордовского и венгерского.¹⁶

Если в отдельных словах этой группы мы находим в названных финно-угорских языках соответствие с заднерядным вокализмом, то это явление находит свое объяснение.

¹⁶ О велярных и палатальных гласных в финно-угорском языке-основе см: J. Szinyei. Finnisches-ugrische Sprachwissenschaft. Berlin und Leipzig, 1922, стр. 44—45.

2) Закрытое $\text{ɔ}'$ в общепермском языке, вероятно, было гласным переднего ряда, поэтому этим звуком были переданы узкие переднерядные гласные древнечувашского языка; ср.: удм. *kultō* юз. < чув.; чув. *kāld'ä*, *käl'Dä*, *küldé* и др., каз.-тат. *költä*, кирг. *kültö* и др. (см. Tschuw. 79—80); удм. *gubi* юз. < чув. **kǝmbä*; чув. *kamBa*, *kimBa*, каз.-тат. *gömbä*, *gümbä* (Tschuw. 57—58).

3) Веляризация этого гласного произошла позже, чем веляризация открытого ɔ (см. выше), и притом только в северо-восточных диалектах общепермского языка; юго-западные диалекты общепермского языка (на базе которых развился удмуртский язык) при заимствовании из древнечувашского языка продолжали передавать чувашский узкий гласный переднего ряда общепермским * $\text{ɔ}'$ (> *u* юз.), например: удм. *bus* G M J, *bīs* (< **bus*) U, *bws*, *bus* M, *bws* урс. 'туман' < чув. **bǝs*, ср. чув. *pns*, *pus*; башк. *būs* (Tschuw. 50); удм. *t's'u(t's'i* S, (Munk.) каз. **čučē*, *č'wč'i* урс. шошм. 'болячка, короста' < чув., ср. чув. *t's'ü(t's'ü*, мишерск. **cöcö* (Tschuw. 119—120).

4) Новая фонема общепермского языка, закрытое переднерядное $\text{ɔ}'$, возникала, в основном, на базе звука *e*, подвергнувшегося ассимилятивному воздействию узкого гласного второго слога (**tete*- > *tɔ't*-: произошло сужение гласного первого слога, см. выше).¹⁷

5) Впоследствии, в связи с исчезновением в пермских языках некоторых гласных переднего ряда, эта новая фонема стала замещать и другие палатальные гласные допермского языка, может быть, тоже сузившиеся под влиянием узкого гласного второго слога, который или был налицо в допермском языке или образовался в общепермском языке-основе.

6) В венгерских словах, соответствующих общепермским словам с * $\text{ɔ}'$, *e* везде восходит к узкому гласному *é* (*lélek*, *fél*-, *méh*, *észik*, *kéreg*; < **ē* (Bárczi МН, 36, 75). Однако рискованно было бы делать вывод о последовательном соответствии общепермского закрытого * $\text{ɔ}'$ венгерскому *é* и общепермского открытого * ɔ венгерскому *e(ä)*, ибо часть общепермских слов с открытым * ɔ также соответствует венгер-

¹⁷ Э. Итконен доказал в своей работе (Zur Gesch. 278), что финно-угорское **e* первого слога в общепермском языке раздвоилось под влиянием гласного второго слога: если во втором слоге стоял широкий гласный (*ä*), то в первом слоге из **e* развилось открытое ɔ ; если же во втором слоге стоял узкий гласный (*e*), то из **e* первого слога развилось закрытое ɔ ; аналогичное явление он отмечает и в саамском языке: прапермск. **ol*-, саам. *älle* 'жить' < **elä*-, прапермск. **pöl*-, саам. *bäl-lät* 'бояться' < **pele*-.

скому *ě*, например: *kell, fészek, él-, négy*, (здесь в прошлом было **ě*). Если общепермское закрытое **o* часто соответствует венгерскому *ě*, то общепермское открытое **o* соответствует венгерскому *e* (*ä*) только в единичных случаях: *rop* ~ венг. *fő* (*feje*). Так что между этими пермскими и венгерскими звуками нет непосредственной связи — она имеется между ними лишь постольку, поскольку оба эти звука развились из одного финно-угорского **e*. В древне-венгерском языке ф.-у. **e* сохранилось довольно хорошо, а в общепермском языке это **e* развилось в двух направлениях: **tetä- > *tot-*, **tete- > *tot-*.

Ш-й тип соответствий: вс *o* ~ кя. *ü* ~ юз. *u*

А. Ф.-у. **təstə- > общепермск. *tot-*

kož'in вс., *kúž'in* кя. (< **kúž'in*); *koz'in* кз. кп., *kož'in* лет., *kož'in* зд. 'подарок, свадебный подарок'; удм. кузьым 'подарок, дар' (Удм. сл.); *kuz'im* урс. JMU; *kuz'ēm* каз. (Munk.); *kuz'im* шошм. (из **kuz'im*); мар. *kùz'âk* 'приданое', морд. *ka-z'ems* 'подарить'; ф.-у. **a* (Zur Gesch., № 71, стр. 279). Ф.-у. **tate-*.

on вс., *ün* кя.; *on* (*onm-*) скр. сс. лл., *un* сев. 'сон' (Диал. хр.); удм. *um* урс.; *um* MU KM JM, *un* M, *im* U (Kons., 374); мар. *om*, *ò'mə* и др., морд. *udoms*, саам. *oaddet*. Саам. и морд. < **oda-*; < допермск. **o* (Zur Gesch. № 136, стр. 279); венг. *álom*. (NyH, изд. 7, стр. 37).

ozir вс., *uzir* лл., *ozir* вв., *ozir* ост. диал. 'богатый', удм. узыр 'богатый, богач' (Удм. сл.); *uzir* шошм. MU; *uzér* каз. (Munk.) < ар.; < **a* (Zur Gesch. № 68 стр. 279); ср. ав. *ahurō* 'господин', др.-инд. *asuras* (Syrrj. Chr.); < **azsr-*.

kož'ul: kož'ul-kod вс. 'муравей'; *kož'ul-* и *kož'il-* ост. кз. диал., *kež'iv* и.; удм. юз. *kuz'il'i*, *kuz'il'i* (< *kuz'il'i*); сопоставляют с ф. *kusiainen*, людик. *kud'z'uoi*, эст. *kuzikas* и др., венг. *hangya*, диал. *hangyal* (Affr. 329).

kopirt- вс. 'наклонить'; *kopirt-* кз. кп.; удм. *kupirt-* юз. Син-ней сравнивает с венг. *huporcs*, ф. *korpara*, мар. *koptāra*, морд. *kup'or'* (NyH, изд. 6, стр. 137). Во втором слогe фигурирует узкий гласный.

Б. Ф.-у. **təstə- > раннепермск. *təstə- > общепермск. *tot-*

Мы предполагаем, что в раннепермскую эпоху во втором слогe следующих слов выработался узкий гласный, под влиянием которого сузился гласный первого слога:

koj- вс. 'выплескивать, выливать'; *kúj-* кя. 'выплескивать, разбрасывать'; *koj-* кз. кп. 'выплескивать, разбрасывать'; удм. куяны 'бросать, выбрасывать' и т. д. (Удм. сл.); *kujanî* J MU (Wotj. Chr.); *kujanî* и *kujanî* (<**kujanî*) урс.; *kujanî* (<**kujanî*) шошм.; мар. *ko'em* W, *ku'em* O, ф. *kai-va-a*, саам. *goa'vot*; < допермск. *а или ? *о (Zur Gesch. № 16, стр. 279).

soj вс., *soj* кз., *ki-súj* (<**ki-súj*) кя., *ki-soj* кп. 'рука выше кисти'; удм. суй 'рука (от плеча до кисти)' (Удм. сл.); *suj* U MU J M KM (Kons. 264); *suj* и *suw* шошм., *suw* урс. (<**suj*, см. выше); производным от этого слова является *sos* вс. 'рукав'; мар. *šok's* 'рукав', саам. *soaggje*, *soaggla* (<**soja*); < допермск. *о (Zur Gesch. № 137, стр. 279); венг. *űj* (Kons. 264).

mol' вс. 'бусинка, перл'; *tîr-mul'i* кя. 'клюква'; *mol'* 'бусинка' скр. сс. л. кп. зд., 'пуговица' нв. уд., 'круглая металлическая пуговица' иж., 'позвонок рыбы' скр. (д. Чит) (Диал. сл.); удм. мульы 'косточка (плода)', 'орех', 'головка (льна)' (Удм. сл.); *mul'i* MU J M; *mul'i* урс.; *mul'i* (<*mul'i*) шошм.; *mul'i* U; мар. *mù'dâ*, *mò'dâ* (коми -l'- соответствует мар. -ð-, ср.: коми *kol'* 'оставить' ~ мар. *koð-*, коми *ku'* 'сдирать' ~ мар. *kâð-a*).

Марк дает другую этимологию (FUF, XVIII, 164).

kúnul кя. 'подмышка'; *konuvot* кп., *kunuv* нв. уд; удм. *ku-nul* и *kunîl* юз.; сравнивают с ф. *kainalo*, эст. *ka enal*, венг. *hón* и т. д. (Etym. Sk.).

pod вс. 'стебель, основание', *noða* 'пеший'; *pod-* дп., *pód* кя. 'нога'; *púden* кя. 'пешком'; удм. *puđin* юз. 'пешком'; урс. *puđ* 'ботва' *pîd*, *pîd* (<**puđ*) 'нога'; заимствовано из иранск.; ср. санскр. *pād-* 'нога', авест. *pād-* (см. Kons. 2); однако Уотила позднее (Syrj. Chr.) уже не приводит индоиранские слова, а сопоставляет со знаком вопроса с морд. *poŋks* 'штанина' (<**pondsks*?), мн. ч. *poŋkst* 'штаны'.

kodi вс. 'кто, который', *koð-* дп., *kúd-* кя. 'который (относительное местоимение)'; *koð*, *kodi* кз.; удм. *kud-* юз.; первую часть пермского вопросительного местоимения сравнивают с ф. *ku-*: *kuka* и др., мар. *kâ-*, *ku-*: KB *kâš*, U *kuš*, *kušrâ* 'куда'; венг. *ho*: *hol*, *honnan*, *hogy* (Etym. Sk.). Тойвонен с этими финно-угорскими словами сравнивает также коми вопросительные слова с другой огласовкой (*ken* 'где', *kis'* 'откуда').

kúmiž' кя. 'зеленый лук, трава лука'; *komiž'* кп. (Вид.); удм. *kumez'*, *kumiz'*, *kumîs'* юз. 'чеснок'; сопоставляют с венг. *hagyma* 'лук' (NyH, изд. 7, стр. 145); К. Радонович в пермском слове видит метатезу (*komiž'* <**kož'im*), -*m* был

ф.-у. суффиксом, *ž'* восходит к ф.-у. *č'(c') (NyK, 1959, стр. 360).

В. Ф.-у. *tōts- > общепермск. *tōt-

о вс. 'год'; и: *ta-ú* кя. 'этот год'; во кз., и: *mej-m-u* 'прошлый год' скр. сс. л. кп.; о: *os'a* 'яровой (т. е. годичный)' кп.; удм. и: *ta-u-beris'* MU 'следующий год', ф. *vuote*-, венг. *val*, *valy*: *taval*, *tavaly* 'в прошлый год' (Kons. 63).

kokes'- вс. 'мотыжить'; *kok*- скр. нв. 'мотыжить, рыть ногой (о лошади)', *kokan* скр. нв. кч. 'мотыга' (Диал. сл.); удм. *купро* 'окучник, мотыга' (Удм. сл.); *kukč'o* урс.; *kukt's'anj* MU, ф. *kuokka* (Wotj. Chr.); Тойвонен (Etym. Sk.) приводит слова пермских языков под вопросом.

tolon (*tō-lon*) вс. 'вчера' (< *tō lun* 'тот день'); *tún'ž'i* кя. 'давеча, недавно'; *tu-tu-tu!* кя. подзывной клич собаке; удм. *tu pal* урс. 'та сторона (реки)'; слово следует сопоставить с ф. *tuō*, саам. *tō-*, *duo*, мар. *tu*, морд. *to-*, венг. *to-*, *ta-* (*to va*, *tavaly*) 'тот' (NyH, изд. 6, стр. 24; у Синнеи фигурирует коми *tj:tjten*).

šot'č'inj вс., *šuč'č'inə* кя. (< *šuč'č'inə*) 'отдыхать'; *šojč'č'*- и *šoč'č'*-ост. диал. удм. *šutetsk*-шошм.; ливвик. *huoka*-*seufzen*, *ruhen*, usw.' (FUF, XXX, 9). Сюда же относится *pōda* (см. стр. 47).

К этой же группе нужно отнести следующие слова (в юго-западных диалектах удмуртского языка эти слова фигурируют со вторичными гласными):

rōč' вс. 'русский', *rūč'* кя.; *roč'* кз. кп.; удм. *žуч* 'русский' (Удм. сл.); *d'us'* урс. шошм.; *d'z'ut's* MUJM, *d'ūs'*, *ž'ūs'* и *ž'ūc'* КМ, *ž'ūc'* ММ (Kons. 49); удм. юз. < **ž'uč'*; прибалтийско-финск. **rōtsi*, собств. *ručsi*; < допермск. **ō* (Zur Gesch. № 159, стр. 280).

sol вс., *sul* кя. 'соль'; *sol*- кз. кп.; удм. *сылал* (Удм. сл.); *sīlal* U, *sīlal* J M, *sijālā* J MU (FUF, XV, 11); *sēlal* каз. (Munk.) (< **sulal*), ф. *suola*, морд. *sal*; < допермск. **ō* (Zur Gesch. № 161, стр. 280); < ф.-у. **tōts*-.

На основании рассмотренного материала (тип III) мы можем сделать следующие выводы:

1) Слова, в которых верхнесыольскому *o* и коми-язьвинскому *ū* соответствует общеудмуртское (в том числе также юго-западное) *u*, имели в финно-угорском языке-основе заднерядный вокализм.

2) В общепермском языке имелась особая фонема — заднерядное закрытое *ō*, отличавшееся от переднерядного закрытого *o*'.

3) Заднерядное закрытое *o* возникло в одних случаях на базе допермского долгого *ō* в процессе утраты долгих гласных в общепермском языке-основе (см. тип III, В), а в других — из разных гласных заднего ряда под ассимилятивным влиянием узких гласных второго слога (см. тип III, А, Б).

Таким образом, для определения происхождения коми литературного *o* мы имеем три источника: 1) верхнесыольский диалект (также древнепермский язык и коми-язьвинский диалект); 2) юго-западный диалект удмуртского языка; 3) те финно-угорские языки, в которых в большей мере сохранился вокализм языка-основы (в частности, хорошо сохранилось прежнее соотношение палатальных и веларных гласных): финский, марийский, мордовский и венгерский. Эти три источника в отношении качества гласного рассмотренных слов взаимно обусловлены, образуя три типа фонетических корреспонденций, а именно:

1) *o* вс. (*o* дп. кя.) ~ *u* юз. ~ ф. гласный переднего ряда (*ë*), < **o*;

2) *o* вс. (*o* дп., *ü* кя.) ~ *ш* юз. ~ ф. гласный переднего ряда (*ë*), < **o'*;

3) *o* вс. (*o* дп., *ü* кя.) ~ *u* юз. ~ ф. гласный заднего ряда (*ə*), < **o*.

Ориентируясь на эти три типа звуковых соответствий, мы можем причислить к определенному типу и те слова пермских языков, по которым имеются данные только по двум источникам. Таковыми являются, например, следующие (данные по третьему источнику или отсутствуют, или являются сомнительными).

I тип звуковых соответствий (общепермск. **o*)

коми *bōbul* вс. 'бабочка', удм. *bubil'i* юз.;

коми *bōrd* вс. 'крыло', удм. *burd* юз.;

коми *čōt-* вс. 'хромать', удм. *čut-* юз.;

коми *gōl'a* вс. 'шея', удм. *gul'im* юз.;

коми *gōr* вс. 'печь', удм. *gur* юз.;

коми *gōr* вс. 'звук', удм. *gur* юз. 'мотив';

коми *gōrt* вс. 'дом', удм. *gurt* 'деревня, дом' юз.;

коми *dōn* вс., *dōn* кя. 'цена', удм. *dun* юз.;

коми *jōn* вс., *jōn* кя. 'сильный', удм. *d'un* (< **jun*) юз.,? ф. *julma*;

коми *kōk* вс., *kok* кя. 'нога', удм. *kuk* юз.;

коми *kōsp* кя. 'промежуток', удм. *kusip* юз., венг.? *küsör* (Syrj. Chr.);

коми *kōt*: *kēm-kōt* вс. 'обувь', удм. *kut.* юз. 'лапти';

коми *lō-* вс. 'быть', удм. *lu-* — *lu-* юз., ф. *lie-* (< **ē*);

коми *mōz* вс. 'как, подобно', удм. *muzän* каз.;
 коми *mōres* вс., *mōres* кя. 'грудь', удм. *mures* юз.;
 коми *noll-* вс., *noll-* кя. 'носить', удм. *null-* юз.;
 коми *nomir* вс. 'червяк', удм. *nunir* и *nomir* юз.;
 коми *n'ojal-* (? < **nojal-*) кя. 'тянуться', удм. *nujt-*;
 коми *ponel'* вс. 'молодой хвойный лес', юз. нет данных,
 венг. *fenyő*;

коми *pot-* вс., *pot-* кя. 'расколотся', удм. *put-* юз.;
 коми *proj* (< **roj*) кя. 'древесный мох', удм. *žuj-* и *žuj-* юз., мар. *reyen'a*;

коми *šog* вс., *šog* кя. 'горе', удм. *šug* юз.;
 коми *šonid* вс., *šonet* кя., 'теплый', удм. *šunit* юз.;
 коми *šondi* вс., *šondi* кя. 'солнце', удм. *šundi* юз.;
 коми *toman* вс., 'замок', удм. *tungon* юз., ? эст. *taba*;

К этой же группе (или к группе III) можно отнести *s'or*:
s'or-aj кп. 'отчим', *s'or-tam* 'мачеха' и др. (Рог.), удм. *s'ur-ataj* MU урс., < чув. *s'ory* Зол., *s'ur'i* Ашм.; каз.-тат., башк. *jarty*, *jarym*, кирг. *žarty*, *žarym*, осм. *jary* (Tschuw. 101). В верхнесысольском и коми-язьвинском этого слова нет. Тюркские языки указывают на открытый гласный.

II тип звуковых соответствий (общепермск. **o'*)

коми *č'ož* вс. 'быстрый', удм. *čuzžirak* урс.;
 коми *dōz* вс., *dūz* кя. 'посуда', удм. *duz* (Wotj. Chr.);
 коми *dūn* кя. 'серьги', удм. *dun* юз. 'чистый, прозрачный';
 коми *gūr'z'et-* кя. 'отрыгнуть', удм. *guzž'* юз.;
 коми *jokiš* вс. 'окунь', удм. *d'uš* (< **juksš*);
 коми *jōr-* вс., *jūr-* кя. 'проклинать', удм. *juris'k-* (Вх.-Уот.);
 коми *kuča* кя. 'пестрый', удм. *kušo* юз.;
 коми *por* вс., *pūr* кя. 'красны', удм. *purijani* MU (Wotj. Chr.);

коми *or* вс. 'гной', удм. *ur* юз.;
 коми *or-* вс. 'оборваться', удм. *ur-* юз.;
 коми *ūras'-* кя. 'полоть', удм. *uri-* юз.;
 коми *sod-* вс., *sūd-* кя. 'расти, прибывать', ф. *syntyä* (< **senty-*) (Zur Gesch. 280);

коми *šobdi* вс., *šūgdi* кя. 'пшеница', мар. *šäðä'ngə* (FUF, XIV, 105);

коми *toj-* вс., *túj-* кя. 'толочь', удм. *tuj-* юз. (*u* перед *j*!), ф. *työntä* (Syrj. Chr.);

коми *sord* (в топонимике) кз., удм. *surd* MU J (Vok. 13); урс. 'роща', венг. *erdő* (Bárczi MSzSz);

коми *s'or* вс., *s'úr* кя. 'шест', удм. *s'ur'i* ю. з., ? ф. *sarja* (Syrj. Chr.).

В следующих словах имеются данные только одного источника:

коми *kormiñi* скр. 'закорюзнуть, загрязниться', удм. *kuirt-* юз.;

коми *togjiñi* скр. 'теребить', удм. *tuğani* юз.

III тип звуковых соответствий (общепермск. **o*)

коми *č'orid* вс., *č'úret* кя. 'твердый, жесткий', удм. *č'urit* юз.;

коми *kol'* вс., *kúl'* кя. 'оставить', удм. *kil'*, *kil'*, ф. *ka-dota* (Zur Gesch. 157).

коми *kol'k* вс., *kúl'k* кя. 'яйцо', кар. *kalkku*;

коми *komeł'* вс. 'тесто', *komeł'* скр. 'тесто для корки ватрушек', *komol'* эд. 'корка ватрушки', *kúmil'* кя. 'кожура (картошки, репы и т. п.)', удм. *kumel'* юз. 'кора на лыке', ? венг. **xuvet'* (Moór, ALU, II, 357—358, 363);

коми *okti-* вс. 'насторожить', ф. *ahtaа*;

коми *omra* л. в. иж. уд. 'дудник (растение)', *umra* кя., морд. *umrav* (Kons. 372);

коми *orda* вв. иж. л., *urda* кя. (< ? **urda*) 'бурундук', удм. *urdo* урс., мар. *urumdo* (ALU, II, 267);

коми *oz* вс., *úz* кя. 'земляника', удм. *uzi* юз.;

коми *roz'* вс. 'дыра', мар. *raž*;

коми *sobal-* вс. 'бродить', эст. *somp*;

коми *s'q* вс. 'сто', удм. *s'ш* юз. (? < **s'u*), ф. *sata*;

коми *šom* вс., *šúm* кя. 'уголь', *šum* шошм. (? *šum* урс.) 'сажа';

коми *toj* (XVIII в.) 'береста', удм. *tuji* юз. (< **toj*), ф. *tuha-* (Kons. 264);

коми *ús'kel* кя. 'шаг', ф. *askel* (Kons. 58);

коми *žožž'a* вс. 'прокисший (о молоке)', мар. *šač* (Affr. 357);

коми *kod*: *kož'ulkod* вс. 'муравей', мар. *ku'tkə* и др., морд. *kotkodav* (Zur Gesch. 167);

коми *koj-* вс. 'выплескивать', *kúj-* кя., удм. *kujal-* и *kujal-* юз., ф. *kaivaа*, мар. *kuem*, *коем* (Zur Gesch. 157);

коми *koj* вс. (*koj* кя.) 'лопатка', удм. *kuj* и *kuj* (< **kuj*) юз., морд. *kojme*, *kajme*.

Особые случаи звуковых соответствий

В ряде случаев верхнесыольскому *o* и коми-язьвинскому *ú* в удмуртском языке соответствует не обычное *и* или *ш*, а иные звуки. Такое явление мы наблюдаем в следующих случаях.

а) Верхнесысольскому *o-* (кя. *ü*) начала слова соответствует удмуртское *wa-* (*va-*) повсеместно (в том числе юз.): коми *o* вс. 'год', и кя., удм. *wa-rit* и *va-rit*, ф. *vuosi* (см. также тип III, В, где удмуртское соответствие, выступающее в середине слова, появляется в ином звуковом виде);

коми *ož* вс. 'оглобля', удм. *važ*, *wajž*, *vajž*, морд. *ažja*;

коми *ož'* вс., *üž'* кя., *uož'* дп. 'рано', удм. *waz'*, *vaz'*, мар. *ož* (Kons. 64);

коми *ol'*: *ol'pas'* вс., *ül'pas'* кя. 'постель', удм. *wal'es*, *val'es*, ф. *vuode* (Kons. 63).

В нижеследующих словах не имеем соответствия в ключевых (в отношении вокализма) финно-угорских языках:

коми *orop* вс., *ürp* кя. 'черенок', удм. (Вид.) *varup* (Kons. 64);

коми *oč'a* вс., *vožž'a* дп., *üčč'an'* кя. 'навстречу', удм. *wač'e*;

коми *üt-* кя. 'закопать', удм. *wat-*, *vat-*;

коми *omen* вс. 'поперек', удм. *wamen*.

Утила совершенно правильно возводит начало этих слов к общепермскому неслоговому **u-*, а Итконен вносит дальнейшее уточнение, возводя начальную часть этих слов к общепермскому **uo-* (Kons. 63—70; Zur Gesch. 280).

Таким образом, здесь мы видим частный случай звукового соответствия третьего типа, т. е. гласный первого слога этих слов восходит к общепермскому **o*, которое в удмуртском языке под влиянием предшествующего *u* (или, вернее, билабиального *w*) перешло в *a*.

б) С аналогичным явлением мы встречаемся в следующих словах:

коми *komin* вс. 'тридцать', удм. *kwamin*, ф. *kolme*;

коми *kor* вс. 'лист', *kür* кя., удм. *kwar*, ф. *korva*;

коми *kús'k* кя. 'перекат', удм. *kwas'* 'мелкий', ф. *koski*;

коми *ko:* *vič'-ko* вс. 'церковь', *vič'-kü* кя., удм. *kwa*, *kwala*, ф. *kota*;

коми *kön'er* вс. 'бедняжка', удм. *kwan'er* (в других финно-угорских языках соответствия нет).

В этих словах предполагается общепермское начальное **kuo-*, из которого в удмуртском языке получилось *kwa-* вследствие расширения артикуляции закрытого *o* под влиянием предшествующего билабиального *w*, а в коми языке это *w* исчезло. Знаменательно, что в этих словах в финском языке всегда видим после *k-* огласовку *o*: *kolme*, *korva*, *koski*, *kota*.

в) В следующих словах общепермск. **o* в удмуртском языке перешло в *a* (?):

коми *ož'* вс. 'перед', удм. *az'*, ф. *otsa*;

коми *kod'* вс. 'подобно, как', *k'úd'* кя., *kojd* дп., удм. *kad'*, ф. *kuje* (Etym. Sk.), морд. *kod'ama*.

г) В следующих словах общепермское **o'* в удмуртском языке перед палатальными согласными (*l'*, *j*, *n'*) перешло в *e*:

коми *møn'* вс., *mún'* кя., удм. *men'* 'сноха', ф. *miniä*;

коми *kōs'al-* вс., *kūs'al-* кя., удм. *kes'al-* 'рвать', ф. *kiskoa*;

коми *tōj* вс., *túj* (<**túj*) кя., удм. *tej* 'вошь', ф. *täi*;

коми *kōl'l'-* вс., *kúl'l'-* кя. 'проводить', удм. *kel'-*.

д) Непонятно появление удмуртского *e* в следующих словах:

коми *mortal-* вс. 'мерять', удм. *mertal-* (? < **mō'rtal-*);

коми *dōj* вс. 'рана', удм. *dej* (? < **dōj*), венг. *dög*;

коми *lōk* вс. 'плохой, злой', удм. *l'ek* (? < **l'ok*).

Мы рассмотрели свыше 150 примеров, в которых фигурируют самые разнообразные виды звукосоответствий. Однако среди этого разнообразия носят массовый характер лишь следующие три типа соответствий.

I тип: коми вс. *o* (кя. кз. кп. *o*) ~ удм. юз. и ост. диал. *u* (из общепермск. открытого **o*) ~ ключевые ф.-у. палатальные гласные. В нашем распоряжении 22 примера (см. тип I, А, Б, В); из 25 дополнительных примеров на былую переднерядность гласных указывают *lo-*, *ponēl'*, *roj*, остальные относим к переднерядным (к I типу) лишь предположительно.

II тип: коми вс. *o* (кя. *ú*, ост. диал. *o*) ~ удм. юз. *u* (ост. диал. *u*) ~ ключевые ф.-у. палатальные гласные. Мы располагаем 13 примерами (см. тип II, А, В); из 18 дополнительных примеров на переднерядность указывают другие финно-угорские языки в *sod-*, *šobdi*, *toj-*, *sord*; из особых случаев (удм. *e* < **o* перед мягким согласным) 3 примера восходят к словам с переднерядным вокализмом.

III тип: коми вс. *o* (кя. *ú*, ост. диал. *o*) ~ удм. юз. *u* ~ ключевые ф.-у. велярные гласные. Мы привели 19 примеров (см. тип II, А, Б, В); из 18 дополнительных примеров по 14 словам другие финно-угорские языки указывают на заднерядный характер гласных; из 15 слов, приведенных в разделе особых случаев, по 11 словам имеются параллели из ключевых финно-угорских языков, указывающие на заднерядный характер гласных.

Остальные виды фонетических корреспонденций, представляющих собой отклонения от вышеперечисленных трех типов, находят себе соответствующее объяснение: см. тип I, Г, Е, тип II, В, особые случаи. Слов такого рода сравнительно немного (около 40) и абсолютное большинство их подчинено определенной фонетической закономерности, поэтому объяснение „отклонения“ их от нормы не вызывает сомнений.

В заключение необходимо заметить, что мы не считаем бесспорным все наши предположения относительно происхождения (хода развития) общепермских гласных **o*, **o'*, **o* из звуков финно-угорского языка-основы, но несомненно, что финно-угорские палатальные и велярные гласные в рассматриваемых примерах на пермской почве имеют разные рефлексy, о чем свидетельствуют следующие данные:

1) Гласные звуки первого слога слов с финно-угорским палатальным вокализмом в пермских языках переданы следующим образом:

- вс. *o* ~ юз. *и* (22 слова, тип. I, А, Б, В)
 вс. *o* ~ юз. *ш* (13 слов, тип II, А, Б)
 вс. *o* ~ удм. *е* (3 слова)
 вс. *o* ~ удм. *е* (1 слово *doj*)
-

Итого 39 слов.

2) Гласные звуки первого слога слов с финно-угорским велярным вокализмом в пермских языках переданы следующим образом:

- вс. *o* ~ удм. *а* (5 слов, тип I, Е)
 вс. *o* ~ юз. *и* (19 слов, тип III, А, Б, В)
 вс. *o* ~ удм. *wa* - < **wo* (7 слов)
 вс. *o* ~ удм. *а* (2 слова)
-

Итого 33 слова.

Эта закономерность передачи финно-угорских гласных на пермской почве должна быть учтена в этимологических исследованиях.

Сделанные нами выводы достаточно убедительно говорят о том, насколько важное значение имеет для исторической фонетики исследование диалектов тех финно-угорских языков, которые до сего времени еще не были достаточно изучены.

Сокращения

I. НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

- авест. — авестийский язык.
 башк. — башкирский язык.
 в. — вычегодский диалект коми языка.
 вв. — верхневычегодский диалект коми языка.
 венг. — венгерский язык.
 вепсск. — вепсский язык.
 водск. — водский язык.
 вост.-ир. — восточноиранские языки.
 вс. — верхнесысольский диалект коми языка.
 вым. — вымский диалект коми языка.
 глаз. — глазовский диалект удмуртского языка.
 др.-инд. — древнеиндийский язык.
 допермс. — допермский язык.
 дп. — древнепермский язык (язык коми памятников письменности XIV—XVII вв.).
 елаб. — елабужский диалект удмуртского языка.
 зд. — зюздинский диалект коми языка.
 иж. — ижемский диалект коми языка.
 иранск. — иранские языки.
 к. — коми язык.
 каз. — казанский диалект удмуртского языка.
 каз.-тат. — казанско-татарский язык.
 кар. — карельский язык.
 кб. — кобринский диалект (один из верхнесысольских диалектов коми языка).
 кз. — коми-зырянские диалекты.
 кир. — киргизский язык.
 кп. — коми-пермяцкие диалекты.
 крч. — керчомский диалект коми языка.
 кч. — кочевский диалект (один из северных коми-пермяцких диалектов).
 кя. — коми-язьвинские диалекты.
 л. — лузский диалект коми языка.
 лет. — летский диалект коми языка.
 лив. — ливский язык.
 ливвик. — ливвиковский (олонецкий) диалект карельского языка.
 лл. — лузско-летский диалект (один из южных коми-зырянских диалектов).
 люд. — людиковский диалект карельского языка.
 маам. — малмыжский диалект удмуртского языка.
 манс. — мансийский язык.
 мар. — марийский язык.
 мишерск. — мишерский диалект татарского языка.
 морд. — мордовский язык.
 морд. м. — мокша-мордовский язык.
 морд. э. — эрзя-мордовский язык.
 нв. — нижевычегодский диалект коми языка.
 ни. — нижеиньвенский диалект коми языка.
 норв.-саам. — саамский язык (в Норвегии).
 общепермск. — общепермский язык-основа.
 орош. — орошорский язык.
 осет. — осетинский язык.

осм.	— османский (турецкий) язык.
ост. диал.	— остальные диалекты названного языка.
печ.	— печорский диалект коми языка.
правенг.	— правенгерский язык.
раннепермск.	— раннепермский язык-основа.
руш.	— рушанский язык.
саам.	— саамский язык.
сев.-чув.	— северночувашский диалект.
скр.	— сыктывкарский диалект коми языка.
среднеперс.	— среднеперсидский язык.
сс.	— среднесысольский диалект коми языка.
тадж.	— таджикский язык.
тат.	— татарский язык.
уд.	— удорский (вашско-мезенский) диалект коми языка.
удм.	— удмуртский язык.
урс.	— урсыгурский диалект удмуртского языка (на юге Татарской АССР).
ф.	— финский язык.
ф.-у.	— финно-угорские языки.
хант.	— хантыйский язык.
чув.	— чувашский язык.
шошм.	— шошминский диалект удмуртского языка.
эст.	— эстонский язык.
юж.-чув.	— южночувашский диалект.
юз.	— югозападные диалекты удмуртского языка (шошм., урс., каз. и нек. др.).

II. НАЗВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ В ЦИТАТАХ ИЗ ТРУДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

См. Kons., Munk., Syrj. Chr., Affr., Etym. Sk., Zur Gesch. и др.
(VAM) AmS — сарапульский диалект удмуртского языка (по кн.:
T. G. Aminoff. Votjakin äänne- ja muoto-opin-
luonnos. Helsingfors, 1896).

B — бесермянский	}	удмуртские диалекты (по дан- ным Ю. Вихмана).
G — глазовский		
J — елабужский		
K — казанский		
M — малмыжский		
MU — малмыжско-уржум- ский	}	
S — сарапульский		
U — уфимский		
KB — горномарийский диалект (= W).		
O — восточномарийский диалект.		
W — западный диалект (= KB).		
PO — коми-язьвинский диалект (по кн.: A. Genetz. Ost- permische Sprachstudien. Helsingfors 1897).		
CM — глазовский	}	удмуртские диалекты (по данным Б. Мункачи).
JM — елабужский		
KM — казанский		
MM — малмыжский		
SM — сарапульский		
UM — уфимский		

III. НАЗВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ашм. — Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1896.

Вид. — F. J. Wiedemann. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch. SPb., 1880.

Вх.-Уот. — Wichmann-Uotila. Syrjänischer Wortschatz. Helsinki, 1942.

Диал. сл. — В. И. Лыткин. Сравнительный словарь коми диалектов [рукопись].

Диал. хр. — В. И. Лыткин. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, т. I, М., 1955.

Зол. — Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.

К. сл. — Коми-русский словарь. Сыктывкар, 1948.

М. сл. — Марийско-русский словарь. М., 1956.

Рог. — Н. Рогов. Пермско-русский и русско-пермский словарь. СПб., 1860.

Сыкт. диал. сл. — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Составлен Коми филиалом АН СССР (рукопись, находится в издательстве).

Удм. сл. — Удмуртско-русский словарь. М., 1948.

Affr. — Y. H. Toivonen. Zur Geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden Affrikaten. FUF, XIX, 1928.

Bárczi MH — Bárczi G. Magyar hangtörténet. Budapest, 1958.

Bárczi MSzSz — Bárczi G. Magyar szöfejtő szótár. Budapest, 1941.

Etym. Sk. — Y. H. Toivonen. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, I — 1955, II — 1958.

Kons. — T. E. Uotila. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

Munk. — Munkácsi B. Votják szótár. Budapest, 1896.

NyH — Szinnyi J. Magyar nyelvhasználat. Budapest, 1937.

Syrj Chr. — T. E. Uotila. Syrjänische Chrestomathie mit grammatischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.

Tschuw. — Y. Wichmann. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903.

Vok. — Y. Wichmann. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische. Helsinki, 1951.

Wotj. Chr. — Y. Wichmann. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Helsingfors, 1901.

Zur Gesch. — E. Itkonen. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. FUF, B d. XXXI, Hft. 3, 1954.